

## Макс Вебер как исследователь конфуцианской этики\*

*Олег Кильдюшов*

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

Статья представляет собой сопроводительный текст к впервые публикуемому порусски фрагменту фундаментального исследования Макса Вебера «Конфуцианство и даосизм» из цикла «Хозяйственная этика мировых религий». В начале материала излагается краткая история данного труда, впервые опубликованного ровно 100 лет назад. Здесь же реконструируется центральная постановка вопроса, интересовавшего классика социологии в рамках проблемы генезиса западного рационализма. Утверждается о том, что выход теоретически фундированной работы о конфуцианстве маркирует смещение исследовательского интереса Вебера от изучения этики протестантских сект Европы к универсально-историческим исследованиям духовной сферы мировых цивилизаций. Далее говорится о неразрывной связи в рамках веберовской аналитической оптики проблематики социологии религии с социологией господства. Также показывается, что последняя в свою очередь является социологией рационализма, поскольку ее основной познавательный интерес постоянно вращается вокруг вопроса о том, в какой мере религиозно-этические картины мира через практические ориентации их носителей оказывали влияние на социоструктурную эволюцию обществ, столь отличную от капиталистической и правовой рациональности западного типа. В основной части реконструируется понимание Вебером конфуцианства как практически ориентированного мирского рационализма, не являющегося собственно «религиозной этикой» виду отсутствия в нем представлений о грехе, радикальном зле и связанной с этим проблемы теодицеи. В заключение делается вывод о сохраняющейся эвристической значимости веберовского исследования древних китайских учений, сформировавших уникальное рационально-практическое отношение к миру в форме приспособления к нему.

*Ключевые слова:* хозяйственная этика, конфуцианство, рационализм, бюрократия, Макс Вебер

Публикуемый ниже фрагмент представляет собой главу из исследования классика немецкой и мировой социологии Макса Вебера «Конфуцианство и даосизм», в свою очередь, являющегося первой частью масштабного труда «Хозяйственная этика мировых религий. Сравнительные исследования по социологии религии» (Weber, 1988 [1920]). Первый том, посвященный древнекитайским религиозным учениям, выйдет скоро в издательстве «Наука» (СПб) в моем переводе, под общей

---

© Кильдюшов О. В., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

\* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Власть, доверие, авторитет: структуры порядка и категории описания социальной жизни», который реализуется ЦФС в 2015 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

редакцией А. Ф. Филиппова. Этой книгой Центр фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и издательство «Наука» начинают публикацию на русском языке трехтомного сочинения, в котором Вебер осуществил фундаментальный сравнительный анализ воздействия мировых религий на социальную и хозяйственную жизнь обществ, развивавшихся под их влиянием. Помимо раздела о китайской духовной традиции, в него также входят исследования индуизма и буддизма (Weber, 1988b [1921]) и древнего иудаизма (Weber, 1988c [1921]).

Впервые «Хозяйственная этика мировых религий» была опубликована в 1915–1919 годах в виде серии статей в журнале «Архив социальной науки и социальной политики» (тома 41–46). Раздел, посвященный Китаю, был помещен в 41-й том данного издания (Weber, 1915a, 1915b). В нем на материале учений конфуцианства и даосизма исследуются социологические основания китайской религиозности в целом и ее специфическое отношение к хозяйственной активности в частности. После 1910 года Вебер начал расширять постановку проблемы, заявленную в самом известном его труде по социологии религии «Протестантская этика и дух капитализма» (1904). Это постепенно от вопроса об условиях возникновения современного рационализма на Западе привело его к универсально-историческим исследованиям духовной сферы мировых цивилизаций. Научно-прагматически они были нацелены на то, чтобы посредством изучения других культур и их ценностно-смысловых систем лучше понять уникальность западного Модерна. Эта масштабная исследовательская программа в общих чертах формулируется Вебером во «Введении» ко всему циклу исследований хозяйственных импликаций различных религиозных этик, и далее углубляется в примыкающем к китайскому разделу фрагменте «Промежуточное рассмотрение: Теория уровней и направлений религиозного неприятия мира» (написаны ранее, в 1913 году<sup>1</sup>).

Незадолго до своей смерти Макс Вебер переработал статьи о конфуцианстве и даосизме, а также «Введение» и «Промежуточное рассмотрение», которые были объединены в первом томе его «Избранных статей по социологии религии» (Weber, 1988a [1920]). В них «картины мира», развитые религиозными учениями, были систематизированы им в качестве идеальных типов отношения религиозно фундированной этики к миру. При этом Вебера интересовало не только влияние древнекитайских религий на экономическое поведение их последователей, но также взаимоотношения между хозяйством, правом и господством (ключевым понятием веберовской аналитики власти и здесь остается «харизма»). В этом смысле веберовская социология религии неразрывно связана с его социологией господства. Одновременно она является социологией рационализма, поскольку ее основной познавательный интерес постоянно вращается вокруг вопроса о том, в какой мере религиозно-этические картины мира через практические ориентации их носителей оказывали влияние на социоструктурную эволюцию обществ в на-

---

1. По сообщению самого Вебера, текст китайского раздела также был написан им в 1913 году. См.: Weber, 1915a: 1.

правлении, радикально отличном от капиталистической и правовой рациональности западного типа.

Изучение данного вопроса было осуществлено Вебером посредством масштабного по дизайну исследования влияния мировых религий на социальную жизнь народов и государств, причем его интересовало воздействие определенных религий, понимаемых как организация потустороннего спасения, на отношение их последователей к посюстороннему миру. И прежде всего — влияние духовной жизни на экономические практики и структуры социального порядка. Мотивом этого амбициозного проекта была макросоциологическая постановка вопроса, сквозная для всего творчества ученого: как разрешить «проблему Запада», т. е. дать объяснение феномену исторически относительно внезапного экономического возвышения Европы и ее глобального военно-политического доминирования. Таким образом, даже в исследовании основных китайских религиозных систем конфуцианства и даосизма главным вопросом для Вебера была не столько религия и не сам Китай, сколько феномен мирового господства западной цивилизации, выработавшей в рамках различных протестантских версий христианства религиозно обоснованные установки к практическому действию, ставшие впоследствии типично «современными»<sup>2</sup>.

Осуществленное ровно сто лет назад Максом Вебером интеллектуальное предприятие по сравнительному изучению основных китайских религий поражает как своим грандиозным замыслом, так и своим не менее впечатляющим результатом. Опираясь лишь на доступные тогда источники и исследования (которые он сам считал недостаточными), без знания языка и — что особо им подчеркивалось — без поддержки со стороны профессиональных синологов, он попытался реконструировать структуру китайской цивилизации и специфику конфуцианской социально-этической и нормативно-правовой доктрины, этой «несущей конструкции» всего китайского космоса.

Именно через сопоставление с социально-экономическим и политическим развитием Китая Макс Вебер пытался прояснить сущностные характеристики самого Запада. Так, в письме к историку Георгу фон Белову от 21 июня 1914 года он писал, что «специфику средневекового города можно определить лишь посредством выявления того, что отсутствовало в городах других культур (античной, китайской, исламской)» (Weber, 2003: 724).

В этом смысле веберовское исследование «Конфуцианство и даосизм» является очередной попыткой объяснения того, почему капитализм современного типа мог возникнуть только на Западе, а не в том же Китае. Выявляя различия в развитии Запада и Срединной империи применительно к духовной сфере и ее специфическому влиянию на материальные и интеллектуальные интересы господствующих слоев, Вебер стремился сформулировать те «мировоззренческие основы» китай-

---

2. По мнению некоторых критиков, из-за этого во многих своих размышлениях Вебер часто терял из виду сам предмет исследования, т. е. хозяйственную этику конкретных религий. См.: Weischenberg, Kaesler, 2015: 13–27.

ской культуры, что резко контрастировали с его представлением о «западном рационализме». Одним из таких радикальных отличий стало отсутствие в рамках конфуцианской традиции какой-либо религиозной трансцендентности, что, по его мнению, имело множество последствий в практических установках китайцев к действию в посястороннем мире<sup>3</sup>.

Для Вебера конфуцианство представляло «чистейший» тип азиатской «политической» религии, полностью отказавшейся от спасения и связанных с ним возможностей развития в интеллектуальной сфере и в области методического ведения жизни. Напротив, аскетический протестантизм для него выступал в качестве характерного для Запада «чистейшего» типа религии спасения, в которой этика спасения достигает уровня этики убеждения, связанной с соответствующей социологической методикой внутримирской аскезы. В результате там возник феномен протестантского целостного ведения жизни, приведший к столь поразительным экономическим и социальным последствиям. Поэтому именно эти два духовных течения, нацеливавшие своих последователей на рациональное освоение мира, особенно интересовали великого социолога как с точки зрения их абсолютно различных религиозных мотивов, так и их не менее различных социально-институциональных и культурных последствий (Schluchter, 1988b: 22).

В публикуемой главе Вебер утверждает, что конфуцианство как практически ориентированный мирской рационализм не знало ни подлинной этики спасения, ни радикального зла, ни представления о «грехе», и в этом смысле оно лишь отчасти может считаться собственно «религиозной этикой». В любом случае его потенциал религиозного неприятия мира оказался значительно меньше, чем у аскетического протестантизма: его рационализм приводит к приспособлению к миру, тогда как протестантское отношение к миру заключается в овладении им. Посредством подобных различий сравнительная социология религии Вебера превращается в типологию рационализма, различным образом реализованного в крупнейших культурных религиях.

Стоит признать, что веберовское исследование влияния китайских религиозных систем (и прежде всего конфуцианства) на практические жизненные установки в сфере хозяйственной деятельности вызвало и по-прежнему вызывает массу вопросов. Во-первых, поражает то, что это интеллектуальное путешествие Макс Вебер совершил, не выходя из библиотеки! Во-вторых, до сих пор впечатляет способность великого социолога охватывать и синтезировать столь обширный исторический материал. В-третьих, даже специалистов-синологов поражает смелость многих суждений и гипотез ученого, впервые ступившего на неизведанную предметную почву. Многие исследователи также отмечали чрезвычайный ши-

3. Данное исследование Вебера явилось серьезным вызовом как для социологов, так и для синологов. Для первых — поскольку оно стало своеобразным образцом сравнительно-исторического макросоциологического анализа, а для вторых — поскольку подобная постановка проблемы не самоочевидна для данной дисциплины. В любом случае оно привлекло внимание исследователей к проблеме генезиса китайского капитализма и до сих пор является предметом научных дискуссий как на Западе, так и в Китае. См.: Schluchter, 1988a: 7.

рокий макросоциологический контекст, в который Вебер поместил свою работу по конфуцианской этике. Все это неизбежно делает данное сочинение предметом острых дебатов западных и восточных ученых, по-разному интерпретирующих предложенную Вебером универсально-историческую перспективу для понимания процессов рационализации. При этом в чем только не обвиняли Вебера: в банальной поверхностности обобщений, в незнании многих важных деталей, в игнорировании некоторых важных источников, евроцентристском извращении мировой истории, в проецировании роли конфуцианских мандаринов на положение ученых в вильгельмовской Германии и т. д. Однако общим для большинства взвешенных оценок данного труда является признание того, что в нем Веберу удалось проанализировать основные черты китайской цивилизации и выявить ее главные проблемные моменты, тогда как конкретные выводы могут и вызывать более или менее обоснованную критику (Eisenstadt, 1988: 366).

Сочинение Макса Вебера выходит по-русски через 100 лет после первой публикации на языке оригинала и уже потому является скорее памятником социально-теоретической мысли, нежели актуальным исследованием дискурсивных форм конкретной религиозной рациональности. Тем не менее можно надеяться, что его введение в научный оборот в русскоязычном культурном пространстве будет полезно не только для историков социологии, но также для синологов и исследователей религии, поскольку предлагает интересную рамку макросоциологической интерпретации мировой истории духа, эвристическая ценность которой сохраняется до сих пор — независимо от того, что некоторые ее элементы устарели или были признаны ошибочными.

## Литература

- Eisenstadt S. N.* (1988). Innerweltliche Transzendenz und die Strukturierung der Welt: Max Webers Studie über China und die Gestalt der chinesischen Zivilisation // Max Webers Studie über Konfuzianismus und Taosismus: Interpretation und Kritik / Hrsg. W. Schluchter. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 363–411.
- Schluchter W.* (1988a). Vorwort // Max Webers Studie über Konfuzianismus und Taosismus: Interpretation und Kritik / Hrsg. W. Schluchter. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 7–10.
- Schluchter W.* (1988b). Einleitung // Max Webers Studie über Konfuzianismus und Taosismus: Interpretation und Kritik / Hrsg. W. Schluchter. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 11–54.
- Weber M.* (1915a). Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Religionssoziologische Skizzen. Einleitung. Der Konfuzianismus I, II // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 41. Band. Heft 1. S. 1–87.
- Weber M.* (1915b). Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. (Zweiter Artikel). Der Konfuzianismus III, IV. (Schluß). Zwischenbetrachtung. Stufen und Richtungen der re-

- ligiösen Weltablehnung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 41. Band. Heft 2. S. 335–421.
- Weber M. (1988a [1920]). Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Einleitung; Teil 1: Konfuzianismus und Taoismus; Zwischenbetrachtung // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 1. Tübingen: Mohr. S. 237–573.
- Weber M. (1988b [1921]). Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Teil 2: Hinduismus und Buddhismus // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 2. Tübingen: Mohr.
- Weber M. (1988c [1921]). Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Teil 3: Das antike Judentum // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 3. Tübingen: Mohr.
- Weber M. (2003). Gesamtausgabe. Band II/8: Briefe 1913–1914 / Hrsg. M. Rainer Lepsius, W. J. Mommsen. Tübingen: Mohr.
- Weischenberg S., Kaesler D. (2015). Max Weber, China und die Medien: Zwei Studien zum 150. Geburtstag des Soziologen. Wiesbaden: Springer.

## Max Weber as a Researcher of Confucian Ethics

*Oleg Kildyushov*

Researcher, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

The article is a companion text to the first Russian translation of the fragment of Max Weber's fundamental study *The Religion of China: Confucianism and Taoism*. The article presents a brief history of this work first published 100 years ago. Weber's book is analyzed as an integral part of his study of the genesis of Western rationalism. The author puts the thesis forward that the publication of a theoretical work on Confucianism marks a shift in Weber's research interest, from the study of Protestant sectarian ethics in Europe to the universal, historical research of world civilizations. Furthermore, author demonstrates the close connection between the problems of the sociology of religion and the sociology of domination within Weber's conceptual framework. The article also shows that the latter, in its turn, forms the sociology of rationalism because its main cognitive interest constantly revolves around the question of the extent to which religious and ethical worldviews are influence, through the practical orientation of their agents, the socio-structural evolution of societies, whose rationality is so different from Western capitalist and legal rationality. In the main section of the paper Weber's reconstructed understanding of Confucianism is outlined as a type of practically-oriented secular rationalism which is not properly a "religious ethic" because of the absence in it of such ideas as sin, radical evil, and the related problem of theodicy. The article concludes with the thesis of persisting heuristic importance of Weber's study of ancient Chinese doctrines which formed a unique rational and practical attitude to the world as a form of adaptation to it.

**Keywords:** economic ethics, Confucianism, rationalism, bureaucracy, Max Weber

## References

- Eisenstadt S. N. (1988) Innerweltliche Transzendenz und die Strukturierung der Welt: Max Webers Studie über China und die Gestalt der chinesischen Zivilisation. *Max Webers Studie über Konfuzianismus und Taosismus: Interpretation und Kritik* (ed. W. Schluchter), Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 363–411.
- Schluchter W. (1988) Vorwort. *Max Webers Studie über Konfuzianismus und Taosismus: Interpretation und Kritik* (ed. W. Schluchter), Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 7–10.
- Schluchter W. (1988) Einleitung. *Max Webers Studie über Konfuzianismus und Taosismus: Interpretation und Kritik* (ed. W. Schluchter), Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 11–54.
- Weber M. (1915) Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Religionssoziologische Skizzen. Einleitung. Der Konfuzianismus I, II. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, vol. 41, no 1, pp. 1–87.
- Weber M. (1915) Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. (Zweiter Artikel). Der Konfuzianismus III, IV. (Schluß). Zwischenbetrachtung. Stufen und Richtungen der religiösen Weltablehnung. *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, vol. 41, no 2, pp. 335–421.
- Weber M. (1988) Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Einleitung; Teil 1: Konfuzianismus und Taoismus; Zwischenbetrachtung. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 1*, Tübingen: Mohr, pp. 237–573.
- Weber M. (1988) Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Teil 2: Hinduismus und Buddhismus. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 2*, Tübingen: Mohr.
- Weber M. (1988) Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Teil 3: Das antike Judentum. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Band 3*, Tübingen: Mohr.
- Weber M. (2003) *Gesamtausgabe. Band II/8: Briefe 1913–1914*, Tübingen: Mohr.
- Weischenberg S., Kaesler D. (2015) *Max Weber, China und die Medien: Zwei Studien zum 150. Geburtstag des Soziologen*, Wiesbaden: Springer.